

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го юля.

№ 14-й.

1866 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Председателя Комитета Министров, действительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина.

Князь Павелъ Павловичъ, Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко Мнѣ, вѣренной Божіимъ промысломъ управленію Моему народа, служатъ Мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ Я нахожу лучшую награду за Мои труды для блага Россіи.

Чѣмъ утѣшительнѣе для Меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю Я Своею обязанностію охранять Русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ.

Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до Меня вѣрноподданнческія заявленія вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Исслѣдованія, производимыя учрежденною по Моему повелѣнію особою слѣдственною комиссіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ Провидѣнію благоугодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которые одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданнческими обязанностями. Посему Я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ по этому важному предмету, будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

Не менѣе важна для истинныхъ пользъ Государства въ

его совокупности, и въ частности для каждаго изъ Моехъ подданныхъ — полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ ея видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля 1861 года. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основанийъ всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣнія въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ, призванныхъ на служеніе Мнѣ и отечеству, состоитъ въ точномъ и дѣльномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однихъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обеспечено то единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства, и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Такое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вса ихъ слованъ и дѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Всѣ начальствующие должны изблюждать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ

того прямого, точного и неуклонного исполнения предуказанных имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія, о которомъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

Наконецъ для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обеспеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала общественнаго единства и впрочемъ благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами, и сохранить въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обеспечится отъ злонамѣренныхъ нареканій, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительствующимъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ Моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной Мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользы и нужды разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сосло-

віями, и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положить предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя имѣли съ достаточною ясностью обнаружиться и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ Мой, для надлежащаго руководства, всѣмъ министрамъ и главноначальствующимъ отдѣльными частями.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою писано:

АЛЕКСАНДРЪ

Въ Царскомъ селѣ,
13-го мая 1866 года.

II.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ а) по предложенію Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора полученную Его Святельствомъ изъ Тифлиса отъ Протоіерея Наумова телеграмму о совершеніи 30-го минувшаго апрѣля Святаго Крещенія Его Императорскаго Высочества Высокопорожденного Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА и б) справку что Высочайше утвержденная, по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества, новая форма возношеній на эктенияхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи разослана по всему духовному вѣдомству, для должнаго ис-

полненія въ свое время, при указахъ Святѣйшаго Синода отъ 11-го того же апрѣля. — Приказали: о совершившемся Святѣмъ Крещеніи Высокопорожденнаго Великаго Князя **АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА**, уведомивъ указами Московскую и Грузино-Имеретинскую Святѣйшаго Синода Конторы, Синодальныхъ Членовъ и Преосвященныхъ Епархіальныхъ Архіереевъ, а также Ставропигіальныхъ Лавры и монастыри, предписать, чтобы, по полученіи сихъ указовъ и предвзрительномъ сношеніи съ Гражданскимъ Начальствомъ, отправлено было во всѣхъ градскихъ церквахъ—въ первый слѣдующій, а въ сельскихъ—въ первый же Воскресный или праздничный день, благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлдневнымъ звономъ, и чтобы какъ на таковомъ молебствіи, такъ и на всѣхъ прочихъ Богослуженіяхъ, въ приличныхъ мѣстахъ, Имя Его Императорскаго Высочества возносимо было по упомянутой Высочайше утвержденной новой формѣ; Правительствующему же Сенату сообщить вѣдѣніемъ. Мая 2 дня 1866 г.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12-го ноября 1865 года за № 9347, слѣдующаго содержанія: циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 30-го Іюня 1858 года, предписано Московской и Грузино Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторамъ, всѣмъ Синодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, а также Ставропигіальнымъ Лаврамъ и монастырямъ о доставленіи въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ вѣдомостей, по даннымъ формамъ, о принадлежащихъ церквамъ

монастырямъ и прочимъ духовнымъ учрежденіямъ казначействъ, внесенныхъ на вѣчныя времена въ Банковомъ уставленіи. При разрѣшеніи въ 1859 году, по Высочайшему повелѣнію, выпуска четырехъ-процентныхъ непрерывнодоходныхъ билетовъ, предоставлено было духовнымъ учрежденіямъ означенные капиталы обратить въ 4% непрерывнодоходные билеты въ шестимѣсячный срокъ; впоследствии подписка была продолжена; но еще и въ 1863 г. Святѣйшій Синодъ поручалъ Преосвященному 16-ти епархій о доставленіи въ Государственный Банкъ монастырями и церквами билетовъ бывшихъ кредитныхъ уставовъ для обмѣна на поминутые 4% билеты; о томъ же, въ какой мѣрѣ исполнено означенное распоряженіе Святѣйшаго Синода, въ Хозяйственномъ Управленіи до настоящаго времени свѣдѣній не имѣется. Посему Хозяйственное Управленіе полагало бы необходимымъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи свѣдѣній, по какимъ духовнымъ учрежденіямъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія и предписаній Святѣйшаго Синода, обращены капиталы въ 4% непрерывнодоходные билеты, по прилагаемой при семъ формѣ, за исключеніемъ духовно-учебныхъ учрежденій, отъ которыхъ свѣдѣнія по этому предмету имѣются въ доставленныхъ или свѣдѣніяхъ доходовъ и расходовъ. Приказали: Давъ знать о содержаніи сего предложенія Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора печатными указами Московской и Грузино-Имеретинской Конторамъ, всѣмъ Синодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, а также Ставропигіальнымъ Лаврамъ и монастырямъ, и вложить при указахъ копію съ составленной въ Хозяйственномъ Управленіи при Святѣйшемъ Синодѣ формы вѣдомости, предписать, чтобы со стороны подлежащихъ мѣстъ

и лицъ сдѣлано было распоряженіе о доставленіи въ Хозяйственное Управленіе необходимыхъ оному свѣдѣній по приложенной формѣ.

Примѣчаніе. Нижегородскою Духовною Консисторіею Определено: Указъ сей съ приложенною къ нему формою передать въ Редакцію для напечатанія въ Нижегород. Епарх. вѣд., съ тѣмъ, чтобы мѣста и лица духовнаго вѣдомства свѣдѣнія по приложенной формѣ доставили въ Консисторію при репортахъ.

На какой предметъ внесена сумма.	Обращено въ 4% непрерывноходная свѣдѣтельства.		Сверхъ того стоитъ въ 5% бн-летахъ.		Отослано въ Государственный Банкъ.					
	Р.	К.	Р.	К.	На 4 1/2%		На 4%		На 3%	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Въ пользу собора, церкви или монастыря	00	00	00	00	00	00	05	00	00	00
Въ пользу причта и поминовеніе	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Въ пользу настоятеля монастыря съ братіею	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Въ пользу братіи монастыря	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
На масло въ лампаду къ образу	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
На украшеніе храма и улучшеніе ризницы	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Въ пользу богадѣльни при монастырѣ или церкви	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Кружечнаго и кошельковаго сбора	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
и т. д. по каждому предмету отдѣльно	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Итого.	00	00	00	09	00	00	00	00	00	00

Примѣчаніе 1. Если въ одномъ билетѣ заключается сумма на два предмета, то слѣдуетъ каждую часть помѣстить въ соответственной графѣ.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшей Правительствующей Синоду слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4-го минувшаго марта, за № 2144, слѣдующаго содержания: Министръ Финансовъ итѣ въ виду, что Высочайше утвержденными въ 22-й день Мая 1862 года правилами о состояніи, разсмотрѣніи, утвержденіи Государственной росписи и Финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій постановлено: ст. 34, дѣйствіе расходныхъ смѣтъ начинается съ 1-го января и продолжается включительно до 31 декабря того года, который даетъ наименованіе смѣтъ; ст. 35 если къ 31 декабря не будетъ по кредитамъ на содержаніе управленій изведено дѣйствительныхъ по статьямъ смѣты расходовъ, а по кредитамъ хозяйственно-операционнымъ не будетъ сдѣлано распоряженій по заготовленію предметовъ или по совершенію работъ (т. е. по операціямъ контрактнымъ не будетъ произведено торговъ, а по операціямъ произведеннымъ хозяйственнымъ образомъ, не будетъ дано предписаній начальства); то всѣ по статьямъ смѣты кредиты уничтожаются; ст. 37, льготный срокъ предвѣщается: по расходамъ хозяйственно-операционнымъ для окончанія операцій, составленія расчетовъ, выдачи предписаній и производства самыхъ уплатъ; по расходамъ на содержаніе управленій, для назначенія, изъ остатковъ отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава и на канцелярскіе расходы, — наградъ и пособій чиновникамъ и для удовлетворенія содержаніемъ лицъ, находящихся въ командировкахъ и наследниковъ умершихъ чиновниковъ, — отношеніемъ отъ 12-го минувшаго февраля за № 1085, просить сдѣлать распоряженіе, чтобы повѣдомственнымъ Святѣйшему Синоду учрежденія въ требованіяхъ смѣтъ

о передвиженіи по заключенной смѣтѣ 1865 года кредитовъ, или объ отпускѣ по оной суммъ, непременно дѣлали въ этихъ требованіяхъ указанія о томъ, распространяется ли на тѣ кредиты, согласно вышеозначенной ст. 37 смѣтныхъ правилъ, льготный срокъ, такъ какъ поступающія въ настоящее время по сему предмету изъ Министерствъ требованія не содержатъ этихъ указаній; вслѣдствіе чего Министерство Финансовъ, для соблюденія смѣтныхъ правилъ, должно входить въ излишнюю переписку и тѣмъ, по необходимости, задерживать своевременное удовлетвореніе кредитовъ по смѣтамъ 1866 года.

Приказали: О вышеизъясненномъ требованіи Г. Министра Финансовъ дать знать по духовному вѣдомству печатными указами, для должнаго руководства. Апрѣля 26 дня 1866 года.

Ц.

ИЗВѢСТІЯ.

(Продолженіе).

По опредѣленію Святѣйшаго Синода удостоены наградъ:

в) **Скуфьями:** священники: Никифоръ *Октаевъ*, Сергій *Вишняковъ*, Александръ *Приклонскій*, Викторъ *Никольскій*, Алексѣй *Румянцевъ*, Іоаннъ *Серебровскій*, Василій *Вейсовъ*, Алексѣй *Ермонскій*, Петръ *Ягодняскій*, Георгій *Вишневскій*, Ѳедоръ *Архангельскій*, Александръ *Крыловъ*, Ѳедоръ *Полидорскій*, Михаилъ *Орловскій*, Іоаннъ *Флоровъ*, Іоаннъ *Лебединскій*, Василій *Весницкій*, Александръ *Лебедевъ*, Михаилъ *Невдомскій*, Петръ *Орнатскій*, Дмитрій *Лебединскій*, Сергій *Ласточкинъ*, Ѳедоръ *Успенскій*, Дмитрій *Царійскій*, и Александръ *Добронравовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ. Высочайшій рескриптъ. — Правительственный постановленія. — Извѣстія.

Дозволено цензурою 22-го іюня 1866 года.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го іюля. № 14-й. 1866 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ТРЕХЪ СВЯТЫТЕЛЕЙ УСТРОЕННАГО ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ МИНИВСКОЙ БОГАДѢЛЬНИ ().**

Наконецъ устройство сего богоугоднаго дома закончено устройеніемъ въ немъ храма Божія. Теперь востодѣ мыслию отъ видимаго къ невидимому, отъ устройства храма къ благоустроенію души здѣсь живущихъ, для чего иже по и собраны здѣсь всѣ средства — естественныя и благодатныя; — въ святости храма мы видимъ тотъ предметъ, котораго должна достигать душа *созидающая себя въ храмѣ духовенъ*. Для этой то цѣли соединилось здѣсь земное съ небеснымъ. Для того домъ милосердія устройтъ подлѣ сѣбѣя дома молитвы, чтобы молитва облодотворила милосердіе благими дѣйствіями вѣры; для того убогая старость

(*) Градскимъ Головой В. К. Мичуринымъ.

(**) Говорено 1866 года 16 мая.

прибѣгла къ святости храма, чтобы благодатное оскѣненіе восполняло въ ней естественную скудость силъ тѣлесныхъ и духовныхъ; для того на завядъ жизни меркнушіе лучи ума преимущественно повѣряютъ себя тайноводству священныхъ обрядовъ церкви, чтобы умъ видя въ нихъ предѣлы естественнаго свѣта, такъ сказать, осязательно по нимъ восходилъ къ сверхъ естественному небесному свѣту. Однимъ словомъ, да содѣйствуетъ здѣсь душѣ вѣрующей достигать святости, чтобы самой быть достойнымъ храмомъ Божіимъ. Храмъ бо Божій святъ есть, иже есть вы (*)

Еслиже нерукотворенный храмъ Божій — наша душа, долженъ быть также святъ, какъ и видимый образецъ ея: то чтоже составляетъ святость того и другаго храма? Очевидно, присутствіе въ нихъ самаго Бога. Конечно, никакое мѣсто не чуждо вездѣсущія Божія; но не всякое мѣсто одинаково исполнено дѣйственнымъ присутствіемъ Вездѣсущаго, подобно какъ не вездѣ одинаково дѣйствіе лучей солнца освещающаго всю вселенную. Небо престолъ мой, говоритъ самъ Богъ, земля же подножіе ногъ моихъ (**) На небѣ — особенное присутствіе Его, созерцаемое во славу блаженными Духами; на землѣ — особенное присутствіе Его, являемое человѣку въ дѣйствіяхъ силы и благодати. Такъ, по прозрѣнію Пророка, нѣкогда видѣна быша шествія Бога (***) т. е. особенныя явленія силы Божіей, видимо присущей человѣку. Но то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ времени, было явленіемъ временнымъ, вызваннымъ частною нуждою человека или человѣческаго общества; то въ благодатномъ

(*) Кор. 3 I.

(**) Ис. 66 I. — (***) 67 25

царствѣ Христовомъ представляется постояннымъ. Во храмахъ святыхъ мы нинѣ видимъ, можно сказать, неподвижный престолъ благодати Божіей, всегда и вездѣ доступной, гдѣ образовательно и таинственно въ священнодѣйствіяхъ и таинствахъ, является намъ Господь. Таково же можетъ быть присутствіе Бога живаго въ живыхъ церквахъ Его, — въ душахъ нашихъ. *Вы есте церковь Бога жива (*)* говоритъ Апостолъ. Примѣчательное здѣсь наименование Бога живымъ, хотя онъ никогда не можетъ быть *Богомъ* мертвымъ и даже *мертвымъ*, вразумляетъ насъ въ смыслѣ апостольскаго слова, что живыхъ и животворнымъ присутствіе Божіе въ человекѣ бываетъ тогда, когда оно живо пріемлется и животворно ощущается — вѣрую и любовію, ощущается въ благихъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ души. *Аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ,* сказалъ Спаситель, *и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему приидемъ и обитамъ у него сотворимъ (**).*

Христ. слуш...! Совершившееся нинѣ оскѣненіе храма сего всего ближе и ошутительнѣе свидѣлствуетъ намъ о присутствіи здѣсь самаго Бога; ибо оно есть не только живое изображеніе, но можно сказать, повторенное дѣйствіе положенія Господа нашего Іисуса Христа во гробъ. Потому всѣ мы, предстоящіе святому гробу сему, и самымъ бытіемъ своимъ здѣсь уже вошедшіе уже въ общую связь явленій евангельскаго событія, не можемъ оставаться безучастными зрителями его, а должны представлять собою евангельскихъ дѣятелей сей исторіи, не безъ приношеній сердца посѣщавшихъ святой гробъ.

Кто же эти дѣятели?

Церковь въ этомъ случаѣ особенно *ублажаетъ Иосифа*

(*) 2 Кор. 4 16. (**) Иоан. 14 23.

приснопамятнаго человека богатаго, иже отъ Арима-
вѣа, (***) который, чая царствія Божія (*), отъ состра-
дательнаго сердца уготовалъ новый гробъ для Божествен-
наго Страдальца.

Церковь прежде всѣхъ съ любовью обращается теперь
и къ вамъ, ревностные подражатели богатаго и правед-
наго (***) Аримаѳеанина, въ чаяніи наследія небеснаго, отъ
своихъ избытковъ земныхъ уготовавшіе здѣсь новый гробъ
въ которомъ священнодѣиствующіе, по примѣру того же
Іосифа, положили теперь — гдѣ будетъ полагаться и по-
стоянно — пречистое Тѣло съ Честною Кровію нашего Ис-
купителя, подобно Никодиму, съ благоговѣніемъ помазали
гробъ Его святымъ миромъ и благоухали ароматами. Да
будетъ гробъ сей утѣшительнымъ прибѣжищемъ для труж-
дающихся и обремененныхъ, которыхъ вы упокоили подъ
сѣнію его! Рукою милосердія вы отвалили для нихъ ка-
мень отъ двери гроба сего, открывши и для ихъ немощи
легкій путь къ его святынь, вы отвалили камень отъ ихъ
сердца, жаждущаго сколь возможно чаще излить свои
молитвенныя чувства предъ престоломъ вся исполняющей
Благодати. Ихъ молитвы дотолѣ будутъ охранять святыню
мѣста сего, доколѣ ваше усердіе будетъ поддерживать
ихъ силы, а ихъ благодарность будетъ беречь объ васъ
съ похвалами память.

Кто были посѣтители гроба Господня?

Съ разсвѣтомъ воскресенія Христова, пришли видѣти
гробъ учителя своего мироносицы и нѣкоторые изъ апо-
столовъ. Но мироносицы принесли ко гробу Спасителя
не только сосудъ мвра, которое не нашло уже и уотре-

бленія, сколько сердце, полное любви къ нему; апо-
столы принесли вѣру въ Воскресшаго и благоговѣнное
удивленіе къ чудесному Его воскресенію. Ранѣ дру-
гихъ, съ разсвѣтомъ перваго дня возсіявшей изъ сухъ
мѣстѣ, искупающей насъ Благодати, пришли сюда и
вы, благочестивые слушатели. Слѣдовательно тѣже благо-
честивыя чувстваванія, тѣже расположенія души и вы долж-
ны были принести и всегда приносить сюда — къ живо-
носному гробу Жизнодавца. Любовь къ Нему да влечетъ
васъ во храмъ въ сіе мѣсто благодатнаго присутствія Его,
во храмъ — вѣра да озаряетъ вашу умъ къ сокрытымъ
таинственныхъ дѣйствій Его благодати; страхъ Божій и
благоговѣніе къ таинству искупленія, во выйдѣ изъ хра-
ма, да сопутствуетъ вамъ всюду — на земныхъ путяхъ къ
Небу! Тогда и вы будете живыми церквами живаго Бога
Аминь.

Протоіерей А. АКИНОВЪ.

О ЧЕРКН

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе).

XIII.

На сколько возможно, мы опредѣлили сумму славян-
скихъ вѣрованій въ теченіи долгаго времени языческой
жизни нашихъ предковъ, сумму, съ которой ихъ застала
новая христіанская вѣра.

Передъ самымъ временемъ распространенія христіан-
ства, мы замѣчаемъ какое-то особенное движеніе въ рус-

(*) Матѳ. 27 57.—(**) Марк. 25 43.—(***) Лук. 23 50.

скомъ языческомъ мірѣ, какое-то броженіе мыслей, недовольство насущными вѣрованіями и миѳическими представленіями, стремленіе къ новому міросозерцанію. Владиміръ посылаетъ во всѣ стороны пословъ для испытанія разныхъ вѣръ. Самая ревность его о вѣрѣ отцовъ, которую онъ заявилъ воздвиженіемъ новыхъ кумировъ и украшеніемъ старыхъ, кровавыми жертвами, отъ которыхъ сквернился холмъ кіевскаго Перуна, носитъ на себѣ какую-то зловѣщую печать, судорожный характеръ, — предвѣстіе или паденія язычества или же сильнаго перелома во всемъ языческомъ міросозерцаніи. Все обнаруживаетъ тревожное состояніе времени, которое невольно заставляетъ изслѣдователя вдумываться въ факты, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этой тревогой идетъ непосредственно крещеніе Руси. Характеръ того момента въ состояніи народа, когда одна вѣра смѣняется другою, имѣетъ громадное вліяніе на всю исторію новой вѣры, опредѣляетъ ея собственный характеръ, съ какимъ она будетъ развиваться послѣ въ народной жизни.

Прежняя исторія впадала въ изображеніи этаго времени въ очень вредную ошибку. Она отличалась хвалебнымъ тономъ, усиленно старалась доказывать обиліе истиннаго благочестія и пониманія вѣры въ народѣ съ самаго начала его христіанской исторіи, умышленно застилала глаза у практическихъ дѣятелей народнаго христіанскаго образованія, чтобы они не видѣли грубыхъ остатковъ язычества, множества суевѣрій и темнаго религіознаго міросозерцанія народа. Религіозно-патріотическое чувство, которымъ руководились въ этомъ случаѣ наши церковные историки, конечно очень похвально; но оно не уменьшаетъ того практическаго вреда, который производила ихъ *ria frays*. Исторія имѣетъ цѣлю не одно только развитіе

благочестія и патріотизма; у нея есть другія болѣе важныя практическія цѣли, между которыми первое мѣсто занимаетъ воспитаніе народныхъ дѣятелей. Чѣмъ правдивѣе и честнѣе она взглянетъ на свой предметъ, тѣмъ она болѣе достигнетъ полезныхъ результатовъ.

Какъ на образчикъ прежняго хвалебнаго извѣщенія исторіи можно указать на исторію «распространенія христіанства въ Россіи до Владиміра». Авторъ употребилъ много труда, времени и замѣчательной эрудиціи для доказательства той мысли, что Россія приняла христіанство послѣ долгаго приготовленія къ нему, что начиная съ путешествія во Россію св. ап. Андрея Первозваннаго, она въ теченіе девяти вѣковъ оглашаема была евангельскимъ ученіемъ и наконецъ уже крестилась при Владимірѣ. Смутное состояніе язычества предъ временемъ крещенія было именно слѣдствіемъ распространенія христіанскихъ понятій и упадка язычества. При первомъ взглядѣ на дѣло съ точки зрѣнія обыкновеннаго здраваго смысла, искусственно — подобранныя доказательства ученаго автора оказываются совершенно безсильными. Связь лѣтоисецъ — наивный и доверчивый не придаетъ путешествію св. Андрея другаго значенія, кромѣ того, что благословеніе верховнаго архіепископа освятило, такъ сказать, русскую землю, что его пророческій взоръ предвидѣлъ будущую христіанскую славу этой земли. Могло ли удержаться и вырасти какое нибудь сѣмя христіанства на этой обширной дикой равнинѣ, которая была со вѣкомъ пуста, по которой изъ конца въ конецъ разгуливали дикіе степные вѣтры сметаая въ своемъ бурномъ движеніи все, что только хотѣло тутъ укорениться? Толпы за толпами идутъ дикіе кочевники изъ глубины Азіи чрезъ великія каспійскія ворота, одни другія смѣняя, истребляя и порабощая. Цѣлыя столѣтія предъ

взорами древнихъ географовъ совершалась эта постоянная смѣна народовъ, это неутомимое движеніе дикихъ кочевыхъ толпищъ. При взглядѣ на степи русскія у древняго географа кружилась голова и онъ не зналъ, какъ и назвать эту вѣчно движущуюся и мѣняющуюся землю, не то Скиѳіей, не то Сарматіей, не то другимъ какимъ именемъ. А за широкими южнорусскими степями сплошь тянулись безконечныя непроходимыя лѣса, въ темную глубь которыхъ и послѣ принятія на Руси христіанства долго не могли пробиться ни лучи луча свѣта.

Въ доказательство того, что еще до крещенія Руси христіанство было уже довольно знакомо на Руси, указывали на быстрое и мирное его распространеніе по всѣмъ областямъ безъ особенной борьбы со стороны язычества. Ясно что изслѣдователи взглянули на дѣло чисто съ внѣшней стороны. Они увидали, что вездѣ на Руси крестили народъ, строили церкви, заставляли народъ ходить къ богослуженію; при этомъ они не слышали ни одного возраженія со стороны народа, исключая немногія мѣстности, и изъ всего этого заключили о счастливомъ привитіи и состояніи христіанства въ народѣ. Самая важная сторона дѣла была при этомъ оставлена въ тѣни; ничего не сказано о томъ, что вся эта крещенная масса народа, часто не исключая даже людей высшихъ классовъ, оставалась въ прежнемъ мракѣ и только по имени принадлежала къ церкви. Нужно ли еще доказывать до очевидности простую мысль, что въ исторіи религіи важны не столько обширность мѣстности, по которой распространяется эта религія, и число вѣрующихъ, сколько степень ея усвоенія послѣдними? Можно принять даже за общее правило, что чѣмъ быстрее идетъ въ странѣ распространеніе христіанства, тѣмъ хуже для него и тѣмъ менѣе исто-

рикъ имѣть права восхищаться; потому что при этомъ нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія общества. Быстрое распространеніе вѣры прямой знакъ высшаго отношенія къ ней, идеализма между старою и новою вѣрою или же только наружнаго, officialнаго принатія послѣдней, при чемъ старыя вѣрованія остаются во всей свѣжести. Не говоримъ уже о перлахъ временяхъ послѣ крещенія Руси. Стоитъ только обратить вниманіе на религіозное состояніе современнаго арестанародья, прислушаться къ его толканью о предметахъ вѣры, чтобы понять, какъ низка здѣсь степень подготовки къ христіанству, отъ чего христіанство не могло распространяться здѣсь быстро и нужно ли считать это достойнымъ восторговъ.

Обозрѣвая сумму языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ, мы видимъ, что язычество далеко еще не дошло до той степени, когда, опредѣлившись во всемъ содержаніи и полнотѣ своихъ формъ, религія изживаетъ себя и народное сознаніе заявляетъ потребность въ другой лучшей религіи. Оно было еще во всемъ цвѣтѣ, еще только стремилось къ совершенному развитію, когда было въ располхѣ застигнуто христіанствомъ. При обзорѣ частныхъ вѣрованій въ стихійныя божества и обрядовъ въ честь ихъ, мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, что наше язычество находилось на переходной степени развитія, переходило отъ непосредственнаго поклоненія природѣ и ея силамъ къ олицетворенію этихъ силъ въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго частнаго и семейнаго богослуженія къ богослуженію общественному съ храмами, кумирами и жрецами.

Въ эту переходную эпоху когда смыслъ язычника уже

сумблѣ отвлечься отъ предметовъ самой природы и искать въ природѣ движущихъ ея жизнію силъ, естественно возникали вопросы: откуда же солнце, которому вонъ поклоняется, откуда луна, звѣзды, вѣтры и прочее. По мѣрѣ возбужденія мыслительности, природа и непосредственное обожаніе ея предметовъ все меньше и меньше удовлетворяли пытливый умъ. Потребность антропоморфизма заставляла его заглядывать дальше этихъ предметовъ, искать за ними особенныхъ личныхъ и разумныхъ дѣятелей, дѣятельностію которыхъ можно было бы объяснить жизнь всего міра. И вотъ подъ конецъ религіозно-языческаго міросозерцанія мы встрѣчаемся съ высокими вопросами мнѣической Голубиной книги.

«Отъ чего у насъ бѣлый свѣтъ?»

«Отъ чего у насъ солнце красное?»

«Отъ чего у насъ младъ свѣтель мѣсяць?»

«Отъ чего у насъ звѣзды частыя?»

«Отъ чего у насъ зоря утрення?»

«Отъ чего у насъ умъ — разумъ?»

Этими вопросами заключался циклъ старыхъ непосредственныхъ вѣрованій въ природу; предметы природы явились несамостоятельными, не божественными существами и потребовались новые личные боги. И мы видѣли, что созданіе этихъ новыхъ боговъ началось постепенно съ низшихъ собирательныхъ божествъ — водяныхъ, дѣсныхъ, домовыхъ, выразившихъ собою результаты первоначальной дѣятельности отвлечения и творческой фантазіи народа. Далѣе изъ за этихъ низшихъ божествъ стали смутно и неявно обнаруживаться другія личности образы которыхъ не успѣли доразвиться, ибо народное творчество было остановлено новой религіей, которая дала на пытливые космогоническіе вопросы уже готовый

открытый отвѣтъ. Язычество такъ и осталось въ неясномъ переходномъ положеніи, гдѣ новое, еще не успѣло создаться, а старое не успѣло уничтожиться, гдѣ въ безпорадной смѣси видимъ и непосредственное поклоненіе предметамъ природы и начатки антропоморфическаго олицетворенія. То же самое въ исторіи языческаго богослуженія. По мѣрѣ развитія религіозныхъ формъ, появленія антропоморфизма и развитія обществениости въ жизни, развивалась потребность въ правильно организованномъ общественномъ богослуженіи. Оно стало формироваться; олицетворенные боги потребовали кумировъ, — и Владиміръ строитъ ихъ на кіевскомъ холмѣ; сложное богослуженіе потребовало особенныхъ специальныхъ совершителей, — и стало развиваться жречество подъ первоначальной формой вѣдунства, знахарства. И здѣсь, въ области языческаго культа, повторилось тоже смѣшеніе старыхъ и новыхъ формъ, какъ въ области міросозерцанія. Начатки общественного богослуженія стали рядомъ съ первичными частными и семейными обрядами, строго опредѣленнымъ формализмъ обрядности совмѣщался съ первичной произвольностью и импровизаціей богослуженія. Потребность общественного богослуженія, разумѣется, всего сильнѣе должна была чувствоваться въ кіевѣ, гдѣ около великаго князя завязывался первый крѣпкій узелъ государственности и обществениости. Вотъ что значитъ стремленіе Владиміра къ построенію и украшенію кумировъ и усердныя жертвоприношенія имъ. Но при этой пробудившейся потребности къ благоустроенію богослуженія усердные служители язычества не находили къ тому достаточныхъ матеріаловъ въ современномъ имъ состояніи язычества. Въ теченіи всей своей

исторіи оно развивалось исключительно въ семейныхъ формахъ; начатки общественныхъ формъ въ сборищахъ межи, села, при своей грубости, безыскусственной непосредственности, убогой обстановкѣ, лишенной всякой торжественности и величія, немогли удовлетворять великаго князя и его дружину, какъ они удовлетворяли простой народъ. И вотъ Владиміръ, по совѣту съ дружиной, шлетъ во всѣ стороны пословъ для испытанія вѣры, у которой бы лучше перенять богослуженіе. Такъ объясняемъ мы знаменитое посольство Владиміра! Причина его — недовольство своимъ богослуженіемъ, цѣль — перемѣна не столько вѣры, сколько культа. Отъ того послы, отправленные Владиміромъ для испытанія вѣры, вездѣ обращаютъ вниманіе на одно только богослуженіе и именно на большую или меньшую торжественность его обстановки. По разказу лѣтописца имъ не понравилось ни скудное и унылое богослуженіе Болгаръ, ни дикое богослуженіе Козаръ, ни лишенное всякаго величія и красоты богослуженіе Пѣмцевъ; но они съ восторгомъ отзывались о величіи и торжественной обстановкѣ византійской литургіи: «въ храмѣ Грековъ мы не знали, на небѣ или на землѣ стоимъ; истинно тамъ съ человѣками Богъ. И какъ всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, не хочетъ горькаго, такъ и мы узнавъ вѣру грековъ, здѣсь въ кievѣ больше не останемся.»

Новая вѣра побѣдила старую; въ 988 совершилось на Почайнѣ въ Кіевѣ общее крещеніе всѣхъ кievлянъ отъ мала до велика, идолы были сброшены съ кievскаго холма и христіанская вѣра объявлена господствующею. Но какъ мало были подготовлены къ этому народныя массы, видно изъ того плача, какой подняли они, когда княжіе мужи бросили Перуна въ Днѣпръ и провожали его въ

море, вихающе его нечестно шестами отъ берега. Видимъ, нашъ боже», вопилъ народъ уаливающему богу; и едва ли много было людей, которые бы раздѣляли чувствованія усѣвшихъ просвѣтиться вѣрою князя съ дружиною, или могли отнестись къ низвергнутому божеству, какъ новгородскій Пидбланичъ: «ты Перунише, досыта уже поѣлъ и попилъ; пора уже тебѣ плыть прочь». Крещеніе совершилось по приказу начальства; и послѣ этого христіанство распространилось только по великому водному пути изъ Варягъ въ греки, на которомъ наиболее развивалась власть князя. Гдѣ эта власть была не сильна, мы видимъ упорное противодѣйствіе новой вѣры, мучениковъ — миссіонеровъ и цѣлыя толпы языческихъ волювовъ. Ясно, что христіанство было принято только на ружнымъ образомъ,

Конецъ языческой исторіи и начало христіанства имѣютъ важное значеніе въ исторіи нашей церкви. Здѣсь заданъ тонъ послѣдующему религіозному развитію народа. Оно неуклонно идетъ въ одномъ и томъ же вѣтшнѣ — обрядовомъ направленіи, зависитъ отъ однихъ и тѣхъ же движущихъ его силъ — различныхъ церковно-волицейскихъ мѣръ правительства духовнаго и свѣтскаго. Дѣйствуя совокупными силами, князья и пастыри церкви тогдаши собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священнослужителей изъ Византіи и Болгаріи, заставляли крещеныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы. Народъ не въ силахъ былъ противиться, пассивно принималъ новую вѣру, распространяемую среди него сверху; но сами пастыри церкви въ своихъ обличительныхъ сочиненіяхъ не смѣли назвать зготъ новообращенный народъ христіанскимъ. Они не успѣли просвѣтить

этотъ народъ, сообщить ему новое христіанское міросозерцаніе, которое вытѣснило бы изъ его головы старое языческое міросозерцаніе. При распространеніи христіанства не обращали вниманія на перевоспитаніе народа, которое требовало долгаго времени, упорной борьбы съ старыми идеями и привычными взглядами на вещи, могло совершаться только однимъ путемъ, — распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія въ народъ. Скорое распространеніе христіанства имѣло такимъ образомъ очень трудную, обратную сторону. Подъ христіанскою внѣшностію во всей свѣжести сохранялось старое язычество. Въ первые вѣка христіанства это было даже не двоевѣріе, на которое жаловались старинные проповѣдники, потому что двоевѣріе, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, переработку его на народный ладъ. Это было чистое язычество, существовавшее рядомъ съ христіанствомъ и съ одинаковою самостоятельностью. Двѣ вѣры соединились между собою механически, а не органически.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, къ рѣкѣ, студенцу, старому дуплистому дубу, березѣ или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся прежнимъ божествамъ, совершалъ имъ старинные обряды и пѣлъ старинныя пѣсни. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для котейной трапезы и тризны по умершемъ, то тихонько отъ строгаго надзора соберутся на старинныя игрища, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинства и разгуль. Среди семей царяла еще чистѣйшая старина. Старинныхъ представителей язычества — волхвовъ — призывали во всѣхъ важнѣйшихъ

случаяхъ, на родины сотворить трасезу роду, паречъ или поворожденному, совершить надъ нимъ волхвованія, навязать наузы, на свадьбы, похороны и проч. Послѣ христіанскаго обряда прямо отъ христіанскаго священника славянинъ шелъ къ волхву для совершенія обряда языческаго. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность.

Уже около XIV вѣка язычество начинаетъ слабѣть. Послѣ глубокаго двоевѣрія является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество вглотило съ христіанствомъ и примѣшивало къ нему своеобразный народный оттѣнокъ. Христіанство видимо усваивается народомъ, но войдя въ народное сознаніе, привыкшее къ старому складу понатій, оно сильно искажается, старинный мифъ не безслѣдно былъ вытѣсненъ новыми вѣрованіями; онъ положилъ на послѣдній рѣзкую печать и сдѣлалъ изъ родную религію чѣмъ-то въ родѣ странной и причудливой смѣси истинныхъ православныхъ понатій съ грубыми остатками политеизма и кудесническими суевѣрїями, которыя показываютъ, что народъ не могъ разорвать крѣпкой жизненной связи съ своею вѣковою старинной.

Считаемъ здѣсь пока не нужнымъ приводить доказательства на высказанную вами мысль. Представленный нами очеркъ языческихъ вѣрованій всего лучше говоритъ о дѣлѣ. За неимѣніемъ древнихъ извѣстій изъ языческаго времени мы составляемъ наши понятія объ язычествѣ нашихъ предковъ на основаніи сохранившихся остатковъ его въ современной жизни посредствомъ обратнаго заключенія отъ современности къ прошедшему. И стало бытъ крѣпко и свѣжо еще преданіе старины, когда эта старина

на съ такой печальной полнотой можетъ быть воспроизведена изъ настоящей жизни народа. Изъ представленнаго нами очерка мы можемъ вывести и весьма важные для церковнаго дѣятеля результаты касательно того, что особенно сильно и живуче было въ язычествѣ, что особенно упорно держалось и держится изъ старинныхъ преданій противъ истинной вѣры и въ чемъ состоитъ отличный характеръ искаженій, которыя производятъ нечистые остатки язычества въ народномъ православіи.

Такъ какъ мнѣя о высшихъ божествахъ не успѣли еще развиться въ нашемъ язычествѣ и укорениться въ народномъ сознаниіи, то всѣ эти Свароги, Перуны, Дажбоги должны были скоро изгладиться изъ народной памяти, не оставивъ по себѣ и имени, исчезнуть предъ новыми предметами поклоненія или слиться съ послѣдними. Но низшія божества вполне развитые съ ихъ рѣзко очерченными личностями, съ ихъ близкими отношеніями къ чело-вѣку, — домовые, лѣсные, водяные, русалки, кикиморы и проч. должны были цѣликомъ остаться въ народныхъ повѣрьяхъ, тѣмъ болѣе что имъ очень удобно найти для себя и въ христіанствѣ хорошую точку привитія, именно въ ученіи о демонахъ. Съ большимъ только трудомъ можетъ подавить христіанство и это наблюдательное поклоненіе природѣ, разнаго рода повѣрья, примѣты, обряды и чародѣйскія средства; взглядъ на природу съ языческой точки зрѣнія долженъ былъ цѣликомъ войти въ новое христіанское міросозерцаніе. Далѣе язычество безъ борьбы уступило и свои кумиры и свои религіозныя собранія всю свою общественную сторону. Христіанскіе храмы строились на пустомъ мѣстѣ; не нужно было для нихъ рачищать мѣста чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ вполне развитымъ

общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благодѣіемъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились передъ нимъ одною игрою. Но язычество осталось крѣпко другой своей стороною, болѣе существенной; оно не уступило новой вѣрѣ своихъ привычныхъ взглядовъ на вещи, своихъ коренныхъ понятій о жизни и природѣ, внутренняго склада народной религіозной логики и всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были вѣдь его общественной стороны. Будучи по преимуществу религіей частныхъ лицъ, семьи, дома оно успѣло крѣпко застѣсь въ этой уютной сферѣ, и его не могли выжить отсюда никакія церковныя и полицейскія мѣры. Свѣтская и духовная власти имѣли возможность выгнать его съ поля, съ улицы, изъ священнаго богодѣльска и другихъ публичныхъ мѣстъ; но это для него ничего не значило, потому что оно и не нуждалось особенно въ этихъ публичныхъ мѣстахъ; его сфера была домашняя, семейная.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ сужденіе объ этомъ предметѣ нашего почтеннаго историка г. Соловьева. «Если бы у насъ, говоритъ онъ, язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно бы гораздо долѣе вело явную борьбу съ христіанствомъ, но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то низложивъ ихъ оно бы покончило борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: если бы онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, кото-

рое влекло бы за собою опять явное поражение. Но язычникъ русскій... безъ сопротивленія допустилъ строиться повывъ для него храмамъ, съ служителями Божества, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ.»

Наше язычество требовало особеннаго рода борьбы. Эта борьба должна была состоять не во внѣшнихъ запрещающихъ мѣрахъ; требовалось борьба внутренняя, которая бы касалась самаго склада народныхъ понятій и состояла въ просвѣтительныхъ средствахъ. Но такой борьбы не допускалъ ни характеръ, ни средства древней Руси. Древнія обличенія язычества, на сколько мы можемъ судить объ нихъ по сохранившимся памятникамъ, не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ простаго перечня главныхъ языческихъ вѣрованій, притомъ же далеко неполнаго, и голословной рецензій касательно ихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, что все это бѣсовское изобрѣтеніе, эллинское злобствіе и т. п. Едва ли можно предполагать чтобы они могли имѣть какое нибудь важное просвѣтительное и воспитательное значеніе. Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (1865 г. кн. VIII) въ статьѣ: «о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи, мы уже изложили исторію духовныхъ и гражданскихъ мѣръ противъ язычества, а также прослѣдили, на сколько дѣйствительными эти мѣры оказывались на практикѣ, какъ постепенно стѣснялось и замирало язычество и что въ немъ оказалось крѣпкимъ, сохранялось въ большей или меньшей свѣжести до воздѣйствія времени. Отсылаемъ читателя

за подробностями туда и изложимъ здѣсь одни только результаты, нужные для насъ въ настоящемъ случаѣ.

Въ исторіи борьбы христіанства съ язычествомъ очень важно то обстоятельство, что всѣ церковныя обличенія и мѣры правительства были направлены именно только на одну сторону народныхъ вѣрованій, которая сравнительно съ другими сторонами его не стоила столько хлопотъ, которая вовсе не составляла его сущности и была особенно слабо развита, на сторону внѣшнюю, общественную. Она была виднѣе для всѣхъ и сопровождалась грубыми обрядами, безчинствами и вакханаліями, которые естественно должны были возмущать благочестивое чувство нашихъ древнихъ князей и пастырей церкви. Послѣ низверженія кучи мировъ оба правительства соединили свои силы противъ вохвовъ и скомороховъ, преслѣдовали языческія сборища, прогоняли праздничную толпу съ улицъ, запрещали моленья по священнымъ дубровамъ, при рѣкахъ и другихъ свящ. мѣстахъ язычества. Наибольшему преслѣдованію подверглись лѣтніе праздники, какъ самые торжественные и общественные. Другія торжества обращали на себя вниманіе тоже только въ томъ случаѣ, если выходили изъ недоступной избы. Мѣры были дѣятельныя и строгія, преслѣдовалось все, что хоть сколько нибудь напоминало объ язычествѣ, даже совершенно невинныя пѣсни и пляски. Нельзя отвергать и усиленности этихъ мѣръ. Общественная сторона языческаго культа только еще выходила въ определенныхъ формахъ изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ; очень не мудрено, что ее легко было опять обратить въ ея перво-бытное состояніе, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Пастырскія обличенія и царскія грамоты XVII вѣка противъ народныхъ праздниковъ показываютъ, что уже не-

много мнѣческихъ воспоминаній соединялъ тогда народъ съ уцѣлѣвшими остатками старины. Языческій смыслъ праздничныхъ обрядовъ былъ уже потерявъ; они стали просто игрою, и только привычное благоговѣніе, суевѣрное уваженіе къ этой игрѣ, ея обязательный, обрядовый характеръ оставался, какъ слѣдствіе давно отжившаго свой вѣкъ релігіознаго настроенія души.

Но за предѣлами общественнаго культа таился цѣлый міръ тайныхъ суевѣрій, вѣрованій въ собирательныхъ стихійныхъ духовъ, особенное покаянное служеніе дома и семьи съ множествомъ суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ. Сюда-то и не могли проникнуть никакія полицейскія мѣры. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студенцѣ, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагу въ его немногосложной жизни, и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашняго обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ и суевѣрій. Вотъ гдѣ была самая суть его релігіи, а сюда-то и не могли проникнуть никакія правительственныя мѣры. Анаѣмы и обличенія церкви, батогы и ошала свѣтскаго правительства проносились въ воздухѣ, не задѣвая этого темнаго и скромнаго мірка политестическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, кудесническаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозъ, обличеній и наказаній, а христіанскаго просвѣщенія, свѣта, который бы выгналъ мракъ изъ его сокровенныхъ угловъ и закоулковъ. Древніе миссіонеры, разрушая кумиры и требища старались уничтожить свя-

занныя съ ними преданія построеніемъ на ихъ мѣстахъ христіанскихъ храмовъ. Тоже самое должно было совершаться и въ области релігіознаго міросозерцанія. Извѣстность уничтожилось только тамъ, гдѣ новыя вѣрованія вполнѣ замѣнили старыя. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усвоились народомъ или по неразвитости народныхъ массъ или по слабому распространенію этихъ новыхъ понятій, тамъ язычество оставалось цѣльнымъ, лишь только слабо прикрываясь оффиціальными формами новой релігіи.

Древняя Русь не имѣла главнаго средства къ искорененію язычества, — христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрные понятія народа. И доселѣ еще темное состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь по которому шелъ народъ. Даже пастыри церкви, разумѣвъ низшую часть духовенства, стоявшую въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ, страдали общими народнымъ невѣжествомъ, такъ что высшая іерархія, усѣвшая немного образоваться, должна была обличать ихъ въ языческіе суевѣрія на ряду съ простонародьемъ. Древній священникъ былъ не просвѣтителемъ народа, который бы распространялъ около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представителемъ народныхъ вѣрованій, которыя онъ зналъ лучше всѣхъ и которыя вполнѣ раздѣлялъ съ народомъ. Можно утвердительно сказать что въ среду благаго духовенства просвѣщеніе стало проникать не раньше времени Петра, когда образованіе въ архіерейскихъ школахъ было поставлено главнымъ условіемъ для поступленія на священнослужительскія мѣста.

Недостатокъ просвѣщенія былъ самою лучшею поддержкою языческихъ стихій во времена христіанства. Возвы-

шенное учение христіанства можетъ дѣйствовать на народъ со всею своею благотворностію, когда онъ доросетъ до его пониманія путемъ просвѣщенія. А для непросвѣщенной, дѣтской фантазіи всегда понятнѣе и увлекательнѣе мифическій міръ язычества. Какъ бы крѣпко ни укоренилось христіанство въ сознаниі необразованнаго народа, оно не замедлитъ исказиться нечистыми приливами и потеряетъ отъ нихъ самыя существенныя черты. Подъ христіанскими выраженіями будетъ сквозить язычскій смыслъ; изъ за предметовъ христіанскаго чествованія то тамъ, то сямъ выглянутъ безобразныя лики древнихъ стихійныхъ боговъ. Безъ знанія, совершенно безпомощный, неразвитый человѣкъ постоянно представляетъ себя подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ его ищетъ чего-то такого, на что хочетъ опереться въ своемъ безсиліи; его личность теряется среди природы, которая его окружаетъ и которая кажется ему всемогущею, полною дивности и страхованія. Такое расположеніе духа составляетъ самый удобный пунктъ, къ которому можно привиться и около котораго можно укрѣпиться языческимъ суевѣріямъ. Міръ таинственныхъ силъ и чудесъ безпрепятственно населяется тѣми же повѣрьями, примѣтами, заговорами, кудесническими обрядами, какіе были и въ язычествѣ. Забыта была мифическая терминологія, забылись язычскія имена; но, разумѣется, дѣло не въ именахъ, а въ самомъ возрѣніи на ту силу или явленіе природы, которыя олицетворялись подъ этими именами. А можетъ ли кто нибудь сказать, что христіанство истребило это возрѣніе? Можно ли съ полной увѣренностію утверждать, что народныя массы вполнѣ усвоили даже самую основную истину откровенія, истину единства Божественнаго? Не видимъ ли мы, что эта

высокая идея объ единомъ Богѣ возвышаясь надъ темнымъ смысломъ и не доступная ему во всей чистотѣ и отвлеченности, по старой политеистической привычкѣ дробится на частныя, конкретныя образы личныя существа, выражающихъ отдѣльныя свойства Божества или его увлеченіе отдѣльными частями природы? Нужно ли доказывать это людямъ, которые сами постоянно ищутъ предъ глазами факты народнаго религіознаго развитія и вполнѣ могутъ судить о высотѣ его уровня?..

Мы дошли до самаго интереснаго и важнаго пункта въ исторіи религіозной жизни нашего народа, — до вопроса о судьбѣ древнихъ языческихъ вѣрованій во времена христіанства. Намъ кажется, что изслѣдованіе объ этомъ предметѣ должно быть поставлено на первый планъ у всякаго церковнаго дѣятеля; оно должно для него служить необходимой подготовкой къ прохожденію его великаго просвѣтительнаго служенія среди народа и, какъ существенная часть входить въ составъ его образованія.

Приступая къ новой задачѣ, считаемъ нужнымъ точнѣе опредѣлить ее и сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно нашихъ будущихъ очерковъ. Послѣ изложенія древнихъ чисто-языческихъ вѣрованій и обрядовъ, намъ нечего говорить о тѣхъ остаткахъ язычества въ христіанское время, которые не привились къ христіанству, существуютъ отдѣльно отъ него или составляютъ лишній наростъ, совершенно чуждый органическому развитію новой религіи. Всѣ подобныя остатки чистаго язычества, сохранившіеся безъ видоизмѣненія, не тронутые вліяніемъ христіанства и не соединившіеся съ нимъ органически, цѣлкомъ идутъ отъ стараго времени; изслѣдованіе объ нихъ, объясненіе ихъ

смысла и значенія было бы съ нашей стороны повтореніемъ того, что мы говорили уже выше. При чтеніи представленныхъ нами очерковъ можно видѣть, что сохранилось доселѣ изъ старыхъ вѣрованій и обрядовъ и даже въ какой именно формѣ.

Наша задача теперь прослѣдить въ новыхъ народно-христіанскихъ вѣрованіяхъ вліяніе прежняго языческаго міросозерцанія, указать, какіе соки новое міросозерцаніе втянуло въ себя изъ старой почвы, какъ оно видоизмѣнилось отъ этого по своей формѣ и характеру и какъ оно получило особенный своеобразный оттѣнокъ народности отъ привнесенія въ него старыхъ народныхъ стихій. Мы вступаемъ въ темную область двоевѣрія, прихотливой работы народнаго творчества въ области религіи, гдѣ старое и новое религіозное міросозерцаніе соединяются между собою часто въ самыхъ неожиданныхъ комбинаціяхъ, гдѣ новыя понятія, привнесенныя христіанствомъ, сливаются съ доморощенными, выражаются въ образахъ туземной работы, или на оборотъ свои старыя понятія облекаются въ христіанскую форму, гдѣ мы увидимъ даже продолженіе миѳическаго творчества, появленіе новыхъ миѳовъ смѣшаннаго, языческо-христіанскаго характера, подъ часъ чудовищно-нелѣпыхъ, но нелишенныхъ поэзіи и въ высшей степени народныхъ. Это цѣлый міръ легендъ, чудесныхъ видѣній, хожденій по небу и аду, знаменій, таинственныхъ силъ, чудесъ на каждомъ шагу и т. п., и весь онъ запечатлѣнъ своеобразной печатью народной мысли и фантазіи.

Среди хаотическаго, часто безпорядочнаго, неподчиняющагося никакимъ законамъ смѣшенія всякаго рода элементовъ и своихъ и пришлыхъ даже трудно разобраться изслѣдователю народной вѣры. Для облегченія себя въ

этомъ дѣлѣ мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, какого рода элементы были преимущественно усвоены народомъ въ христіанствѣ. Это составитъ для насъ переходъ къ послѣдующимъ очеркамъ.

(Продолженіе будетъ)

ПОСРЕДНИКЪ О БЫТѢ ДУХОВЕЦУ.

В*** приходъ, въ одномъ изъ уѣздовъ К. губерніи, принадлежитъ къ мировому участку посредника П..., человека очень достойнаго и уважаемаго всѣми окрестными крестьянами, умнаго, прѣмаго и честнаго. Онъ большую часть своей жизни провелъ въ деревнѣ, былъ сѣмъ хорошей хозяйнѣ и до тонкости зналъ крестьянскій бытъ. По этому все дѣла въ его участкѣ шли очень хорошо и самъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ на крестьянъ. — Все относилось къ нему просто и довѣрчиво. «Славный баринъ», говорятъ обыкновенно крестьяне о своемъ посредникѣ, «со всякимъ дѣломъ всегда иди къ нему сѣло — ужь по правдѣ разсудитъ. Дай ему Богъ здоровья!» — Кроме всего этого П... человекъ очень религіозный и преданный сѣмъ церкви. Когда прислано было положеніе о церковныхъ попечительствахъ, онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ близкое участіе, и особенно много хлопоталъ объ улучшеніи быта духовенства. Миѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной его бесѣды съ В... волостнымъ начальствомъ по этому дѣлу.

П... по обыкновенію пріѣхалъ въ В... волостное правленіе. Его тоже по обыкновенію — встрѣтало волостное начальство — старшина, староста и проч. Подолковскій о

текущихъ дѣлахъ по волостному правленію, посредникъ обратился къ старшинѣ: «ну, что какъ у васъ идутъ дѣла церковныя, — о попечительствѣ?»

— Плохо, батюшка Александръ Ивановичъ, — плохо подвигается дѣло это. Мало усердствуетъ міръ нашъ.... — не весело отвѣчалъ старшина, человекъ очень умный и уважаемый всею волостью.

— Жалко. А надобно, крѣико надобно, братцы позаботиться о своемъ духовенствѣ. Вѣдь горькая и бѣдная его доля; кое-какъ жаветь оно, изо-дня въ день перебивается. Вѣдь порядочный крестьянинъ лучше живетъ, чѣмъ большая часть духовенства въ нашихъ мѣстахъ, замѣтилъ посредникъ.

— Да своихъ-то дѣлъ, да заботъ подошло теперь очень много, — и съ помѣщикомъ еще не раздѣлались совсѣмъ, а тутъ эта земщина заводится, порядки новые, — такъ тяготы-то и безъ того много міру, не до духовенства, отвѣчалъ старшина.

— Да и то сказать, ваше благородіе, подхватилъ староста бѣикій и разторопный мужикъ, у духовенства земля своя есть, ну и угодыя всякія; и лѣсу даемъ духовнымъ своимъ, никогда не отказываемъ, такъ чего еще вамъ? Кто не полѣнится, такъ можетъ безъ нужды прожить.

— Ну, а еслибы вотъ кто нибудь сказалъ тебѣ: зачѣмъ ты получаешь жалованье отъ міру, у тебя полоса есть свся въ полѣ, обрабатывалъ бы ее, да и кормился этимъ, какъ всѣ другіе? Всѣ крестьяне вотъ сегодня въ полѣ, изъ силъ выбиваются, работаютъ, а ты сидишь здѣсь; — чтобы ты сказалъ на это? — возразилъ посредникъ.

— Да вѣдь я здѣсь, Александръ Ивановичъ, не безъ дѣла же сижу, и не по своей волѣ, меня сюда міръ по-

сидялъ. Я ему служу, тоже работаю, за это и мнѣ даютъ — отвѣчалъ староста.

— Ну вотъ видишь: тебѣ дали дѣло, такъ другое надобно было тебѣ оставить, двухъ дѣлъ разомъ человекъ не можетъ дѣлать. Тебя выбрали въ начальники, тебѣ поручили держать распорядокъ въ обществѣ; дѣлъ у тебя, значить, много такихъ, какихъ другіе не дѣлаютъ. Работой крестьянской тебѣ заниматься уже и никогда; по этому тебѣ и назначили жалованье, чтобы ты имѣлъ, значить, все необходимое и, не беспокоясь ни о чемъ другомъ, занимался только своею должностію, честно и усердно исполнялъ обязанности своего служенія. Разсуди, чтобы было, еслибы тебѣ пришлось и крестьянскую работу исправлять и въ правленіи здѣсь заниматься? — Хорошо бы ты исправилъ оба эти дѣла?

— Гдѣ же тогда хорошо исправить? За двумя зайцами погонишься и одного не поймаетъ — дѣло извѣстно, не пами ужъ эта пословица сказана. Ужъ что нибудь да одно надобно дѣлать, чтобы хорошо сдѣлать...

— Хорошо. Какъ же ты на духовенство-то возлагаешь два дѣла? У него есть свои опредѣленные обязанности — ему нужно исправлять богослуженіе, требы, учить и наставлять прихожанъ въ вѣрѣ и благочестіи, а тутъ еще надобно самому же позаботиться и о насущномъ пропитаніи для себя и для семейства, самому же исправить всѣ свои пужды домашнія и житейскія — возможное ли это дѣло?

Крестьяне молчали и внимательно слушали.

— Въ обществѣ, видите ли, объяснялъ дальше посредникъ, много разныхъ пуждъ и потребностей. Всѣ ихъ нужно исправлять, — трудъ не малый; и вотъ, чтобы ус-

текущихъ дѣлахъ по волостному правленію, посредникъ обратился къ старшинѣ: «ну, что какъ у васъ идутъ дѣла церковныя, — о попечительствѣ?»

— Плохо, батюшка Александръ Ивановичъ, — плохо подвигается дѣло это. Мало усердствуетъ міръ нашъ.... — не весело отвѣчалъ старшина, человекъ очень умный и уважаемый всею волостью.

— Жалко. А надобно, крѣпко надобно, братцы позаботиться о своемъ духовенствѣ. Вѣдь горькая и бѣдная его доля; кое-какъ живетъ оно, изо дня въ день перебивается. Вѣдь порядочный крестьянинъ лучше живетъ, чѣмъ большая часть духовенства въ нашихъ мѣстахъ, замѣтилъ посредникъ.

— Да своихъ-то дѣлъ, да заботъ подошло теперь очень много, — и съ помѣщикомъ еще не раздѣлались совсѣмъ, а тутъ эта земщина заводится, порядки новые, — такъ тяготы-то и безъ того много міру, не до духовенства, отвѣчалъ старшина.

— Да и то сказать, ваше благородіе, подхватилъ староста бийкій и разторопный мужикъ, у духовенства земля своя есть, ну и угоды всякія; и лѣсу даемъ духовнымъ своимъ, никогда не отказываемъ, такъ чего еще имъ? Кто не полѣнится, такъ можетъ безъ нужды прожить.

— Ну, а еслибы вотъ кто нибудь сказалъ тебѣ: зачѣмъ ты получаешь жалованье отъ міру, у тебя полоса есть свая въ полѣ, обрабатывалъ бы ее, да и кормился этимъ, какъ всѣ другіе? Всѣ крестьяне вотъ сегодня въ полѣ, изъ силъ выбиваются, работаютъ, а ты сидишь здѣсь; — чтобы ты сказалъ на это? — возразилъ посредникъ.

— Да вѣдь я здѣсь, Александръ Ивановичъ, не безъ дѣла же сижу, и не по своей волѣ, меня сюда міръ по-

сидялъ. Я ему служу, тоже работаю, за это и жалованье мнѣ даютъ — отвѣчалъ староста.

— Ну вотъ видишь: тебѣ дали дѣло, такъ другое надобно было тебѣ оставить, двухъ дѣлъ разомъ человекъ не можетъ дѣлать. Тебя выбрали въ начальники, тебѣ поручили держать распорядокъ въ обществѣ; дѣла у тебя, значытъ, много такихъ, какихъ другіе не дѣлаютъ. Работой крестьянской тебѣ заниматься уже и никогда; по этому тебѣ и назначили жалованье, чтобы ты жилъ, значить, все необходимое и, не беззаботясь ни о чемъ другомъ, занимался только своею должностію, честно и усердно исполнялъ обязанности своего служенія. Разсудя, чтобы было, еслибы тебѣ пришлось и крестьянскую работу исправлять и въ правленіи здѣсь заниматься? — Хорошо бы ты исправилъ оба эти дѣла?

— Гдѣ же тогда хорошо исправить? За двумя зайцами погонишься и одного не поймаетъ — дѣло извѣстно, не нами ужъ эта пословица сказана. Ужъ что нибудь да одно надобно дѣлать, чтобы хорошо сдѣлать...

— Хорошо. Какъ же ты на духовенство-то возлагаешь два дѣла? У него есть свои опредѣленныя обязанности — ему нужно исправлять богослуженіе, требы, учить и наставлять прихожанъ въ вѣрѣ и благочестіи, а тутъ еще надобно самому же позаботиться и о насущномъ пропитаніи для себя и для семейства, самому же исправлять всѣ свои пужды домашнія и житейскія — возможное ли это дѣло?

Крестьяне молчали и внимательно слушали.

— Въ обществѣ, видите ли, объяснилъ дальше посредникъ, много разныхъ пуждъ и потребностей. Всѣ ихъ нужно исправлять, — трудъ не малый; и вотъ, чтобы ус-

вѣшно управиться съ нимъ, распредѣляютъ его между разными людьми: одному поручается то дѣло, другому другое, такъ чтобы всякій одно его и зналъ, о немъ и заботился, къ нему и могъ приложить все свои силы и старанія. За всякое общественное служеніе общество же и должно вознаграждать человѣка служащаго ему. Намъ, вотъ напр., съ вами поручено управленіе обществомъ здѣшнимъ, — вести порядокъ въ своемъ мѣстѣ. Этого дѣла съ насъ и довольно, другаго мы и не уснѣемъ уже сдѣлать: пахать напр. землю, обрабатывать ее, чтобы кормиться этимъ трудомъ, служащему человѣку нѣкогда. Но вѣдь мы такіе же люди, какъ и все другіе, хотимъ пить, ѣсть, намъ нужна квартира, одежда, самимъ намъ за службой добыть все это нѣкогда; за трудъ нашъ должно заплатить намъ общество которому мы служимъ, и оно дѣйствительно всемъ служащимъ людямъ даетъ жалованье, на которое они и могутъ приобрести себѣ все нужное. И духовенство наше тоже служитъ обществу, — все мы имѣемъ до него нужду, значитъ общество же и ему обязано дать средства къ жизни...

— Да велико-ли дѣло-то у поповъ? Обѣдню отиѣть, да требу исправить какую — развѣ это большое дѣло? Недолго сдѣлать-то его и всякъ бы это исправилъ, оправдывался староста.

— Этого ты не говори. Ты какъ видно, вовсе не понимаешь того служенія, къ которому призвано духовенство, — строго замѣтилъ ему посредникъ. Ты вотъ свою службу считаешь тяжелой и стоящей вознагражденія, а сравните ее со службою духовенства, такъ твоя служба покажется гораздо легче его службы. Вы возьмите одѣяныя, да службу въ церкви — такъ и тутъ сколько дѣла! Наша съ вами вотъ служба опредѣленная, и время для

службы тоже; приходитъ всякій, кому есть дѣло до насъ въ положенное время: безъ поры, безъ вренси, ночью напр., насъ не побезвокоуть, — развѣ ужъ по особенно важному и экстремному дѣлу, а у священника всегда дѣло, его безвокоуть во всякое время дня и ночи. Болѣзнь наприм. схватить человѣка вдругъ — приобщить его нужно, за священникомъ поѣхали; младенцу ли родился плохъ, едва живъ, нужно окрестить воскорѣ — опять священникъ нуженъ, въ полночь и за полночь къ нему, — и буди всегда готовъ. Протѣздитъ онъ всю ночь, а на утро у него служба въ церкви.

— Это, батюшка, Александръ Ивановичъ, правда существующая. Работы въ деревнѣ, особливо къ горячую пору, довольно, и безъ усталости работаешь, такъ нероскѣзаетъ, а ужъ если отрываютъ отъ дѣла, такъ и подавно, — замѣтилъ кто-то изъ крестьянъ.

— А вѣдь то, что я сказалъ сейчасъ, еще только одна сторона того служенія, къ которому призвано духовенство. Его дѣло не только совершать различныя службы и требы, но и учить насъ вѣрѣ и благочестію, устроить нашу жизнь по ученію Христову, показывать намъ путь къ вѣчному блаженству, — блюсти за нашими душами. Это служеніе самое высокое и святое изъ всехъ человѣческихъ служеній. На другихъ лежатъ заботы о благоустройствѣ только земнаго благополучія человѣка, а духовенство призвано руководствовать насъ къ вѣчному спасенію. Сколько тутъ труда и заботъ! Нужно выкинуть въ жизнь каждого, разузнать хорошо нравственное состояніе каждаго, — каждаго научить, наставить, каждому подѣть добрый и благоразумный совѣтъ, нужно усмотрѣть за цѣлыми сотнями людей. Все это лежитъ на совѣсти и обязанности священниковъ. Это такая бездна труда и

заботы, что и представить трудно! И какой трудъ-то! Наше, напр. съ вами дѣло опредѣлено болѣе или менѣе ясно, все что и какъ сдѣлать указано закономъ, уставами. А что касается души человѣка, внутренняго, нравственнаго его состоянія — усмотрѣть все и опредѣлить ясно, трудно. Не даромъ говорятъ, что чужая душа потемки. И за однимъ человѣкомъ усмотрѣть не легко.

— Если правду-то говорить, батюшка Александръ Ивановичъ, такъ какъ у духовенства нѣтъ дѣла? Мало ли дѣла; — на все нуженъ священникъ, поминутно, — то за тѣмъ, то за другимъ къ нему идутъ. Всякъ, конечно свое дѣло хвалить да на верхъ ставить, а какъ поглядишь дѣло со стороны да хорошенько, такъ духовному-то званію куда какъ трудно управиться съ своими дѣлами, — согласился старшина.

— Какъ же послѣ этого можно требовать, чтобы духовенство само же заботилось о своемъ содержаніи, трудами рукъ своихъ снискивало себѣ хлѣбъ насущный? Голоднаго и нуждающагося человѣка вѣдь мудро заставить усердно и исправно исполнять общественныя обязанности; — ему естественно прежде позаботиться о насущномъ хлѣбѣ, а обязанности, значить займутъ уже у него второе мѣсто, на нихъ и времени не достаетъ. Не мудро послѣ этого, что и духовенство наше, по большей части нуждающееся въ необходимомъ для жизни и принужденное заниматься всѣми почти сельскими работами, не исполняетъ иногда обязанностей своего служенія. Отсюда прямая обязанность общества, которому духовенство служить, дать ему все нужное для жизни, чтобы забота о насущномъ хлѣбѣ не связывала духовенству рукъ, не отвлекала его отъ настоящаго служенія и дѣла его...

Крестыяне слушали внимательно.

— Да опять же и нужды-то у духовенства и расходовъ больше, чѣмъ у насъ — продолжала посредникъ. Мало ли, напр. нужно въ духовномъ сословіи только для того, чтобы воспитать и устроить дѣтей. Сына надобно отдать въ училище, а нынче, вы сами знаете, содержаніе въ городѣ не дешево стоитъ. Дочь — придетъ время — надобно замужъ выдать, приданое дать... А гдѣ взять духовенству на всѣ эти нужды?

— Да вѣдь духовенства-то, Алек. Ивановичъ, не оставляемъ и мы... И хлѣбъ вотъ оно съ насъ собираетъ, мы не отказываемъ, всегда даемъ и за потребу за всякую платимъ деньги, чего еще больше?... можно, кажется не бѣдно жить ему, — опять возразилъ прежній староста.

— Ну, а скажи по совѣсти, по чистой правдѣ, — хорошо, по крайней мѣрѣ, достаточно и безъ нужды жить хоть напр. въ вашемъ селѣ духовенство? — обратился къ нему посредникъ.

— Какое тутъ хорошо, что говорить-то пустое, — вступился старшина, — нашъ священникъ какую нужду иногда терпитъ! У меня вотъ часто на нужду занимается деньги, особливо когда сына провожаетъ въ училище. А про причетниковъ и говорить нечего: избы у нихъ хуже нашихъ деревенскихъ, да и сыновей своихъ во училища поучили маленько, да и повыключили изъ училища. Содержать, сказывалъ мнѣ дьячекъ, достатку нѣтъ. Нужда у нихъ большая, достатки худые, надо правду говорить...

— И всякій то же скажетъ, если только захочетъ сказать правду. И не въ одномъ вашемъ селѣ такъ бѣдно живетъ духовенство, не много приходоу, гдѣ духовенство обеспечено въ своихъ нуждахъ.... Нужды его прямо бьютъ въ глаза... Многие вѣдь думаютъ, что свя-

щенникъ беретъ плату за самое таинство, которое онъ совершилъ, за потребу...

— Извѣстное дѣло—за потребу, а то за что же иное? Еслибы не треба, такъ задаромъ не стали бы давать... замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Вотъ вы сами это подтвердили... По вашему какъ будто продается самая благодать Божія, которая сообщается намъ въ таинствахъ и другихъ требоисправленіяхъ церковныхъ, которая не цѣнится никакими сокровищами мірскими, и преподается всякому вѣрующему христіанину... Вы рассуждаете тутъ неправильно, — если берутъ священники при требоисправленіи плату, такъ вовсе не за самую потребу, не за таинства, а потому, что какъ и всѣ люди, они хотятъ ѣсть, имъ нужно содержаніе. А такъ какъ люди, для которыхъ они совершаютъ требы, которымъ служатъ, предпочитаютъ давать имъ содержаніе по копѣйкамъ, при совершеніи каждой требы, то священнику *по необходимости* приходится принимать и это даваніе, какъ ни больно при этомъ подвергаться нареканію, будто онъ торгуетъ святынею.

— Притомъ, продолжалъ посредникъ, духовенству те-
перешній способъ его содержанія отъ прихода весьма много препятствуетъ надлежащимъ образомъ проходить свое служеніе и исполнять свои обязанности. Не хорошо тутъ прежде всего то, что духовенство совершенно зависитъ въ приходѣ *отъ каждаго крестьянина отдѣльно*. Служеніе духовенства таково, что для него особенно вредна такая зависимость. Духовенство призвано руководить духовною жизнью народа, насаждать въ душахъ своихъ пасомыхъ вѣру и благочестіе. Для этого у него нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ слова и убѣжденія. Наше вотъ съ вами дѣло иного рода:—мы тоже обязаны наблюдать

порядокъ, за исполненіемъ царскаго закона; но кто не послушается, не исполнитъ его по доброй волѣ, того можно и заставить;—да и порядокъ-то самый, который мы наблюдаемъ, чисто виѣшній, житейскій... Духовенство же призвано заботиться о внутреннемъ порядкѣ, призвано заботиться о благоустроеніи душъ нашихъ. Постороннихъ, виѣшныхъ средствъ, какими напр. мы съ вами владѣемъ, у него нѣтъ; слово, совѣтъ, убѣжденіе—вотъ его средства. Само собою понятно, что для благоуспѣшнаго дѣйствованія этими средствами,—духовенство должно пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ своихъ прихожанъ. Чтобы слово человѣка имѣло силу, чтобы ему внимали и оно не пропахло даромъ, на вѣтеръ, для этого человѣкъ необходимо долженъ пользоваться со стороны своихъ слушателей добрымъ расположеніемъ и уваженіемъ, иначе его слову не будутъ давать никакой вѣры и значенія. Волъ хоть бы приѣхно и у васъ на сходѣ: заговорить не принадлежащій къ числу почтенныхъ мужикъ, его и слушать-то не хотятъ, не то что придать какой-нибудь вѣсъ его словамъ, да еще смѣются надъ нимъ,—куда ужъ, говорятъ, тебѣ-то соваться въ дѣло, куда конь съ копытохъ туда и ракъ съ клещней,—и мало ли чего неговорить, а вѣдь можетъ быть онъ и дѣло скажетъ. А какъ заговорить какой-нибудь почтенный и уважаемый крестьянинъ, такъ его всѣ слушаютъ, съ нимъ соглашаются и рѣчь его никогда не пропадаетъ даромъ...

— Это правда твоя, Александръ Ивановичъ;—голытьбу ужъ кто же станетъ слушать, на сходахъ нашихъ это такъ бываетъ: подтвердилъ одинъ изъ начальства.

— Прибавлю: чтобы человѣка слушали и его рѣчь имѣла дѣйствіе, онъ долженъ быть по возможности свободенъ и независимъ, чтобы могъ прямо и не стѣсняясь

говорить правду людямъ, говорить искренно что у него на душѣ, а не мирволить, не принаравливаться къ нимъ, боясь оскорбить и прогнѣвить ихъ правдивымъ словомъ... Служить, такъ душой ужь не кривить, говорить по словица.

— Теперь сообразите хорошенько, можно ли духовенству имѣть все то, о чемъ я сей часъ говорилъ вамъ, при томъ содержаніи, которымъ оно теперь пользуется?.. Содержаніе духовенства теперь воцѣлнѣ зависитъ отъ каждаго прихожанина въ особенности: и крестьянинъ при удобномъ случаѣ часто даетъ понять священнику и вообще духовенству, что безъ мужика ему плохо жить и потому «заносится» передъ мужикомъ «ему не слѣдь», и мужикъ священника всегда притѣснить можетъ. — Ну и духовенство, съ своей стороны, тоже хорошо понимаетъ, что его благосостояніе дѣйствительно совершенно зависитъ отъ крестьянина, что досади оно чѣмъ нибудь крестьянину, такъ ему худо будетъ, и по этому духовенство держитъ себя въ отношеніи къ крестьянамъ приниженно, кланяется и всячески задабривать крестьянъ, и выходитъ значить, что не крестьяне уважаютъ духовенство, а наоборотъ, больше духовенство крестьянъ. Какое же можетъ быть тутъ доброе нравственное вліяніе духовенства на своихъ прихожанъ? Какое они будутъ имѣть къ нему почтеніе и уваженіе? Какъ будетъ священникъ учить тогда прихожанъ, и кто будетъ его слушать? Согласіе и близость духовенства съ прихожанами, конечно, дѣло хорошее, кто противъ этого говорить? — но они должны быть не вынужденныя, не такія, когда обѣ стороны чувствуютъ себя воцѣлнѣ зависимыми одна отъ другой и потому волей—или неволей идутъ на всякую сдѣлку, — согласіе и любовь должны быть свободныя, никѣмъ и ничѣмъ ни

вынужденныя... Потому сколько еще духовенство терзаетъ и терпитъ отъ самаго способа, которымъ оно получаетъ свое содержаніе отъ прихожанъ! получаетъ оно его по копѣйкамъ, по кускамъ... Подходить время собирать хлѣбъ — и пошатается духовище по деревнямъ, ходять во всякій домъ, просить, иногда казняются всякому крестьянину, — словно нищіе... И такимъ унижительнымъ образомъ добывать себѣ содержаніе *принужденны* люди, которые призваны учить другихъ вѣрѣ и благочестію, руководить ихъ духовною жизнью, которые для этого необходимо должны пользоваться уваженіемъ и вліяніемъ на своихъ пасомыхъ!... Ну, разсудите сами, возможно ли тутъ должное уваженіе къ духовенству со стороны прихожанъ?

— Такое тяжелое положеніе духовенства, такая крайняя зависимость его отъ прихожанъ, продолжалъ посредникъ, *заставляетъ* духовенство дѣлать многія опущенія и по своей должности и обязанностямъ. Виднѣтъ священникъ беспорядки въ приходѣ, вѣдь мало ли въ нашей жизни бываетъ различныхъ вопіющихъ беспорядковъ и нравственныхъ безобразій? — Священникъ обязанъ позаботиться объ ихъ исправленіи, — опущеніе этой обязанности лежитъ тяжелымъ бременемъ на его совѣсти. А изкъ онъ будетъ, не говорю, уже обличать строго, а просто вразумлять людей, отъ которыхъ зависитъ все его благополучіе? Вѣдь дѣло извѣстное — человекъ не любитъ, когда ему указываютъ на его слабости и не достатки, самолюбіе его этимъ сильно оскорбляется; немудрено, что онъ часто точно также относится къ вразумленію и обличенію своего пастыря. И вотъ боязнь прогнѣвить, раздражить своихъ кормителей — прихожанъ, часто заставляетъ священника снисходить многимъ слабостямъ своихъ прихожанъ: онъ *принужденъ* смотрѣть, какъ говорится, сквозь паль-

пы на многое недоброе въ ихъ жизни, терпѣть многіе дурныя обычаи и дѣла;—это ужь нечистая сдѣлка, *вынужденная* со стороны священника его тяжелымъ положеніемъ.

— Вотъ подумайте-ка, заключилъ посредникъ, о томъ что я говорилъ вамъ, сами и міру своему поговорите, да растолкуйте дѣло повнятнѣй...

Покоивъ рѣчь, посредникъ собрался ѣхать. Волостное начальство почтительно проводило почтеннаго посредника до его тарантаса. (*). (Душенол. чтеніе.)

ИЗВѢСТІЯ.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ для содѣйствія, со стороны духовенства, дѣлу народнаго образованія.

Высочайше учрежденное Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, обративъ вниманіе на отношенія духовенства къ дѣлу народнаго образованія, по журналу своему, отъ 2-го февраля 1866 года, положило принять въ настоящее время между прочимъ слѣдующія мѣры:

1) Вообще въ видахъ содѣйствія дѣлу народнаго образованія, вмѣнить сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность въ проповѣдяхъ и поученіяхъ стараться располагать крестьянъ къ грамотности и обученію.

(*) Послѣ я слышалъ, что крестьяне этого прихода, благодаря посреднику, дѣйствительно приняли участіе въ улучшеніи быта своего духовенства и на первый разъ положили—замѣнить сборъ хлѣба духовенствомъ по приходу определенной выдачей его изъ общественнаго магазина и выдавать ежегодно, по возможности, пособіе духовенству изъ мірскихъ суммъ.

2) Нынѣ же отмѣнить преподаваніе въ семинаріяхъ медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи, и въ замѣнъ оныхъ ввести въ семинарскій курсъ педагогическую, какъ предметъ болѣе необходимый для будущихъ пастырей и учителей народа. Для преподаванія сего предмета назначить особаго наставника, которому предоставить, по распоряженію Святѣйшаго Синода, соотвѣтственное *содержаніе* на счетъ суммъ отъ упраздненныхъ каѳедръ. А дабы не ограничиться одною теоріею, въ настоящемъ случаѣ недостаточною для практическихъ цѣлей, учредить при семинаріяхъ воскресныя школы, гдѣ воспитанники семинарій, подъ руководствомъ преподавателя педагогики и подъ наблюденіемъ ректора, могли бы заниматься обученіемъ приходящихъ дѣтей. Духовно-учебному управленію при Святѣйшемъ Синодѣ предоставить снабдить семинаріи педагогическими руководствами какъ русскими, такъ и иностранными.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на означенномъ журналѣ Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, въ 27-й день февраля 1866 г., Высочайше соизволилъ написать собственноручно: *«Исполнить»*. (Моск. вид.)

ОПЕЧАТКА: въ 13 № Ник. Еп. Бѣд., на стр. 551 въ объявленіи о книгѣ, напечатано *не быстрый*, надо читать *быстрый*.

СОДЕРЖАНІЕ. Слово по освященіи храма трехъ святителей устроеннаго въ Нижнемъ Новгородѣ мининской богадѣльни.—Очерки изъ исторіи славянскіи мнѳологіи (продолженіе).—Посредникъ о бытѣ духовныхъ.—Извѣстія.

Дозволено Цензурою 22-го іюня 1866 года.

Редакторы: Инси. сем. прот. А. Стеклоевъ и Проф. Г. Полисадовъ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРСКОЙ ТИПОГРАФІИ.